

Премьера «Валькирии»

Премьера «Валькирии» (21 ноября, Большой театр Союза ССР) — несомненно крупное явление в советской музыкальной жизни. Заслуживает всяческого одобрения уже сама инициатива театра, начинающего этим спектаклем громадную и благодарную работу по возобновлению в репертуаре вагнеровского «Кольца Нибелунгов».

Заслуживает одобрения и многое в спектакле, в частности смелый и яркий замысел С. М. Эйзенштейна, отказавшегося от привычных оперных графаретов и попытавшегося дать свою собственную режиссерскую трактовку «Валькирии». Многого, однако, в идее постановщика кажется нам спорным. Дискуссионно самое стремление Эйзенштейна вывести действие «Валькирии» в какие-то предисторические эпохи, стремление представить «Кольцо Нибелунгов» лишь как воплощенный средствами музыкального искусства миф первобытного человека.

Неудачны и отдельные частности постановки. Так, например, «карусельные» лошади, мирно проплывающие по воздуху, мало ассоциируются с могучими и неистовыми девами-воительницами, сквозь пучь и грозу стремительно проносающимися на воздушных конях с бранных полей в Валгаллу. Противоречит это и характеру музыки «Полета Валькирий» — грозной и величественной. Непонятно, почему постановщик поселил Хундинга в каком-то пещерном жилище, приютившемся в корнях старого ясеня. Впрочем, здесь мы вновь сталкиваемся со спорными моментами в общем постановочном замысле.

Многое в постановке сделано очень сильно и с большой режиссерской выдумкой. Эйзенштейн весьма остроумно использовал трехмерные возможности сцены. Оторвав действие от плоскости и перенеся его в простраство, он средствами зрительного воздействия подчеркнул величавую монументальность основных персонажей произведения.

Среди отдельных исполнителей на первое место хочется поставить отличного понявших свою сложную задачу Н. Д. Шпиллер (Зиглинда) и Е. И. Антонову (Фрикка). Антонову можно упрекнуть в местах излишней форсировке голоса, но все же нельзя не отметить, что образ гневной супруги Вотана раскрыт артисткой с достаточной полнотой и чувством вагнеровского стиля. Справились со своими задачами В. Н. Лубенцов (Хундинг) и Н. С. Ханаев (Зигмунд). Ханаев по своим внешним данным не очень соответствует традиционным представлениям о Зигмунде, но поет он умно и выразительно, порой добываясь вагнеровских красок в интерпретации образа. Несколько вялой оказалась нам М. Ф. Бутенина (Брунхильда). И. Ф. Редикุลеве пока еще далек от желаемого идеала. Его Вотану явно недостает величия и психологической глубины. Может быть поэтому кажется, что большой голос артиста звучит несколько тускло.

Не нашел еще должных масштабов и В. В. Небольсин, вообще говоря, ведущий спектакль вполне корректно и добившийся, как стройности ансамбля, так и отчетливости звучания.

Художник П. В. Вильямс создал яркое и впечатляющее оформление. Однако горным пейзажам в последних двух актах недостает суровости, их несколько размыленные очертания выглядят все же чересчур по-оперному.

Премьеру «Валькирии» хочется рассматривать как начало долгой и серьезной работы театра над монументальным шедевром вагнеровского гения. Нужно искать новые краски в спектакле, пробовать новых исполнителей в основных партиях. Возобновленная, наконец, «Валькирия» надолго должна остаться на сцене Большого театра, и спектакль стоит того, чтобы над ним еще и еще потрудиться.

Д. Р.

Советское искусство
г. Москва

24 ноября 1940г.